

Поэтика и эстетика в философии П. Рикера¹

Poetics and aesthetics in the philosophy of P. Ricoeur

Чернова Я.С.

канд. филос. наук, доцент кафедры философии и методологии науки ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
e-mail: lisa68.08@mail.ru

Chernova Ya.S.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science at the Tambov State University named after G.R. Derzhavin"
e-mail: lisa68.08@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются интерес Рикера к эстетике как автономной области в философии. Основной тезис данной работы состоит в том, что связь между эстетикой и рикеровской философией может быть достигнута в контексте совместного рассмотрения поэтики и этики. Воображение играет важную роль в рамках анализа философской антропологии мыслителя.

Ключевые слова: Рикер, поэтика, эстетика, дискурс, воображение, этика.

Abstract

In the article Ricoeur's interest in aesthetics as an autonomous field in philosophy is investigated. Here we defend the thesis that the connection between aesthetics and Ricoeur's philosophy can be achieved in the context of a joint examination of poetics and ethics. The imagination plays an important role in the analysis of the philosophical anthropology of the thinker.

Keywords: Ricoeur, poetics, aesthetics, discourse, imagination, ethics.

В произведениях французского мыслителя Пола Рикера не редко можно встретить ссылки на художественную литературу и визуальное искусство. При рассуждении о взаимосвязи между философом и искусством, возникает вопрос, будет ли законным, относительно рикеровской философии, говорить об «эстетике» и обращаться к ней в контексте речи или эстетической мысли. С точки зрения профессора Парижского Университета (Université Paris-Sud) С. Лельевра в этом вопросе много трудностей, и мы не можем сразу ответить на него утвердительно [6, p. 45]. Здесь возникает некий парадокс: эстетика для Рикера является чем-то отсутствующим и вездесущим одновременно. Она отсутствует в том смысле, что не соответствует явной цели рикеровской философии и, тем не менее, она вездесуща, потому что в книгах «Философия воли» и «Живая метафора», «Об интерпретации. Эссе о Фрейте», «Время и рассказ», «Память, история, забвение» речь идет об эстетике, которую, в особой, но непрерывной манере, трактует Рикер. Рассмотрим подробнее данный парадокс и увидим, более конкретно, как искусство и эстетика присутствуют на каждом этапе работы философа. К примеру, «Философию воли» открывает длинная цитата «Сонеты к Орфею» Рильке, а также в заключении к «Символике зла» встречаем ссылку на философию воображения и кантианскую эстетику. Часть, относящаяся к психоаналитической теории искусства «Об интерпретации. Эссе о Фрейте», также имеет решающее значение для рикеровского подхода к эстетике. «Живая метафора», «Время и рассказ» могут рассматриваться как углубленное отношение Рикера к философской эстетике, в ее отношении к поэзии. Можно добавить и другие тексты, которые пока не переведены на русский язык, но известны на Западе, например, анализы, сделанные о «Звезде искупления» Ф. Розенцвейга и на некоторые произведения Дюффенна [8, 10]. Наконец, в книге «Память, история, забвение» Рикер все больше выдвигает на первый

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-33-01099-ОГН «Онтологический анализ поэзии в герменевтической философии мыслителей XX века».

план понятие образа, через которое эстетическое измерение входит в философскую рефлексию истории и этики.

Учитывая последовательность и, можно сказать, интенсивность связей между Рикером и искусством или эстетикой, неизбежно возникает вопрос: почему философ не посвятил исследование данному предмету? В качестве дополнения к предыдущему описанию мы могли бы сказать, что ответ на этот вопрос двоякий: с одной стороны, эстетика никогда не представлялась проблемой, рассмотрение которой отвечало бы необходимости конкретных исследований, и философ часто описывал это как результат того, что не было полностью изучено или оставлено в предыдущей работе; с другой стороны, но как следствие первой точки зрения, эстетика присутствует, хотя и с иной перспективы на каждом из этих этапов. Поэтому не стоит ставить под сомнение возможность или даже легитимность подхода Рикера к эстетике.

Если поэтапно анализировать произведения французского мыслителя, может возникнуть некая дихотомия: между перспективой узаконить выражение «рикеровская эстетика»², и гораздо более критической позицией Р. Рохлитца и К. Бушиндома (Rainer Rochlitz, Christian Bouchindhomme) о том, что связь Рикера с аристотелевской поэтической традицией делает недействительным его отношение к философской эстетике [11]. Таким образом, мы были бы пойманы, с одной стороны, «рикеровской эстетикой», рискуя ввести в заблуждение характер связи между философией Рикера и сферой эстетики, и, во-вторых, содействовать связи с «поэзией», рискуя отрицать философскую эстетику. Такая альтернатива позволяет нам отказаться от самой возможности распознавания и понимания природы связей между рикеровской философией и искусством или эстетикой. Поэтому на данном этапе необходимо изучить данный вопрос в рамках смещения эстетики и поэтики.

С точки зрения Лельевра, критика Р. Рохлитца и К. Бушиндома книги «Время и рассказ» является вехой в области философской эстетики [6, р. 47]. Ее можно считать основой для выявления трудностей при рассмотрении проблемы смещения рикеровской эстетики и поэтики. Рохлиц использует эпитет «нео-аристотелевский», прямо направленный на то, чтобы указать на рикеровский подход к контексту поэтической традиции, а не к структуре эстетики, исторически связанной с философией эпохи Просвещения [12, р. 61]. Первая трудность, отмеченная критикой Рохлитца, заключается в том, что Рикер развивает свою концепцию мимесиса в книге «Время и рассказ» через постоянную ссылку на «Поэтику», но сам при этом четко указывает на то, что отделяет его от аристотелевской мысли. Так как все его аналитические усилия состоят не только в формулировании понятий времени и рассказа, но и в том, что эти два термина взаимозависимы, философ выходит из рамок аристотелевской традиции. Но, по словам Рохлитца, этого усилия недостаточно, чтобы порвать с данной традицией. Сам же Рикер и не предлагает, по сути, «порвать» с традиционностью, связанной с поэтикой, а противостоять ей с точки зрения феноменологического происхождения, в которой находятся вопросы о проблемах времени и воображения. Эстетика и поэтика также связаны между собой этой традиционностью. Таким образом, новое прочтение Рикером поэтики и эстетики приобретает легитимность в истории философской эстетики.

Рассмотрим теперь воображение как общую для Рикера почву отношения к эстетике и поэзии. В контексте его философской антропологии воображение играет роль «третьего термина», отвечающего на «диспропорцию» (между пониманием и чувствительностью), что привело к идее разрыва *cogito*, что позволяет нам восстановить онтологическое единство (с феноменологией и наукой) [9, р. 76]. Если философ связывает данное представление о воображении в этическом плане по отношению к злу, то это отношение, прежде всего, к «объективности», которая не дана (сознанием) или не построена (согласно научным процедурам), но взята сама по себе через принцип воображаемого посредничества.

Рикер никогда не преуменьшал трудности воображения как «трансцендентального синтеза», который в то же время существует только через вещь и относится к «слепой» природе воображения. Однако, в отличие от понятия «трансцендентального синтеза», «трансцендентальный схематизм» имеет преимущество – он относится к динамической и продук-

² «Живая метафора», «Время и рассказ» - философские труды, которые стали основой для появления на Западе академической литературы по современной эстетике [5, 7].

тивной природе воображения. Таким образом, воображение охватывает связь между поэтикой и эстетикой, обозначая события, которые не могут быть ограничены традиционной основой эстетики – то есть, термин «поэтический» будет использоваться Рикером далеко за рамками традиционной основы поэтики, чтобы обозначить практическое поле продуктивного воображения. С точки зрения кантовской системы, эстетические и телеологические суждения относятся к категории «рефлексивных суждений»; как таковые, они должны находиться в «обратном процессе» с трансцендентальным схематизмом, то есть с проблемой воображения. Отношение Рикера к эстетике в данном случае носит иной характер. Вопрос о воображении, в целом, и о «продуктивном воображении», в частности, занимает центральное место, и более того, предполагает, что он не исчерпан в рамках рикеровской философии.

Таким образом, можно рассматривать два пути приближения рикеровской философии к эстетике. Первый подход состоит в повторном присвоении проблем и понятий, будь то метафора, повествование, вымысел или воображение. Даже прежде чем вдаваться в подробности отношения Рикера к эстетике, нет ничего, что помешало бы нам прямо использовать эти проблемы и концепции, применять их к произведениям искусства. Философские труды Рикера, указанные выше, должны быть оценены с точки зрения общности, которая указывает на то, что философская эстетика расположена как автономное дискурсивное поле, отличное от истории искусства или искусствоведения. Рикер продолжает анализ, который привел его от метафоры к интриге. Первым препятствием, которое может появиться, является дискурс, который специализируется на использовании этих концепций в области эстетики или философии искусства. Это использование считается уже более узким и ограничительным, чем то, что можно найти с точки зрения философии Рикера. Стоит отметить, что в учении мыслителя эстетика больше ориентирована на объективацию, и, таким образом, она в значительной степени зависит от обычной структуры философской эстетики. Другой подход включает в себя рассмотрение эстетики со стороны области действия и области воображения. В этой перспективе эстетика рассматривается как один из способов связи, которая может быть установлена между воображением и действием. Таким образом, вырисовывается взаимосвязь между эстетикой и этикой.

Литература

1. *Рикер П.* Живая метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.
2. *Рикер П.* Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
3. *Рикер П.* Время и рассказ. Т. 1-2. М.-Санкт-Петербург, 2000.
4. *Чернова Я.С.* Особенности поэтики бытия П. Рикера // Философские традиции и современность. – № 2(12). – 2017. – С. 36–39.
5. *Gauthier J. D., Meitinger S.* Between ‘plot’ and ‘metaphor’: Ricoeur’s poetics applied on the specificity of the poem // *Philosophy & Social Criticism*. 14 (2). 1988.
6. *Lelièvre S.* La philosophie ricoeurienne de l’esthétique entre poétique et éthique // *Études Ricoeuriennes / Ricoeur Studies*, Vol 7, No 2 (2016), pp. 43-73.
7. *Pamela Sue Anderson.* Paul Ricoeur’s Aesthetics: Tradition and Innovation // *Journal of French and Francophone Philosophy / Revue de la philosophie française et de langue française*. 3 (3). 1991.
8. *Ricoeur P.* La “figure” dans L’Étoile de la Rédemption de Franz Rosenzweig. 1988.
9. *Ricoeur P.* Philosophie de la volonté. Paris : Points, 2009 [1960].
10. *Ricoeur P.* Philosophie, sentiment et poésie. La notion d’a priori selon Mikel Dufrenne // *Esprit*. 293 (3).
11. *Rochlitz R. et Bouchindhomme Ch.* Temps et récit de Paul Ricoeur en débat. Paris: Éditions du Cerf, 1990.
12. *Rochlitz R.* Proposition de sens et tradition: l’innovation sémantique selon Paul Ricoeur, in *Temps et récit de Paul Ricoeur en débat*. Paris: Éditions du Cerf, 1990.